

Agatha Christie[®]
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Agatha Christie[®]

Агата
Кристи

Миссис Макгинти
с жизнью рассталась

Москва
2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie

MRS. MCGINTY'S DEAD

Copyright © 1952 Agatha Christie Limited.

All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie

Signature are registered trademarks

of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere.

All rights reserved.

Разработка серийного оформления *А. Саукова*

Кристи, Агата.

К82

Миссис Макгинти с жизнью рассталась / Агата Кристи ; [пер. с англ. М. А. Загота]. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — (Агата Кристи. Серебряная коллекция).

ISBN 978-5-699-80004-9

Миссис Макгинти погибла в результате сильного удара по затылку, нанесенного неизвестным. Подозрение немедленно падает на ее квартиранта Джеймса Бентли, на одежде которого обнаружены следы крови и волосы жертвы. Его судят и приговаривают к смертной казни через повешение. Но следователя терзают сомнения: ну никак не похож Бентли на человека, способного убить. И он обращается за помощью к великому сыщику Эркюлю Пуаро. Тот уверен, что сможет уберечь молодого человека от виселицы. Но, спасая жизнь подозреваемого, гениальный бельгиец ставит под угрозу свою собственную жизнь...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Загот М., перевод на русский язык, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-80004-9

ГЛАВА 1

Эркюль Пуаро вышел из ресторана «Старая бабушка» и оказался в Сохо. Он поднял воротник пальто скорее из благоразумия, чем по необходимости — вечер не был холодным. «Но в моем возрасте, — имел обыкновение говорить Пуаро, — лучше не рисковать».

Взор его был слегка затуманен от удовольствия. Улитки в «Старой бабушке» оказались настоящим объедением. Этот невзрачный на первый взгляд рестораник — просто находка! С видом задумчиво-блаженным, какой бывает у сытого пса, Пуаро высунул язык и облизнул губы. Вытащил из кармана платок и потыкал им в свои роскошные усы.

Что ж, пообедал он славно... Чем заняться теперь? Шофер проезжавшего мимо такси услужливо притормозил. Пуаро на миг заколебался, но никакого знака не подал. Зачем брать такси? Даже пешком он придет домой слишком рано — не ложиться же спать!

— Какая жалость, — пробурчал Пуаро себе в усы, — что человек ест только три раза в день...

Дело в том, что полдничать-чаевничать он так и не привык. Если садишься перекусить в пять ча-

сов, объяснял он, желудочный сок к обеду будет не тот, пропадет чувство предвкушения. А обед, смею вам напомнить, — важнейшее кулинарное событие дня!

Кофе где-то ближе к полудню — тоже не для него. Горячий шоколад и рогаики на завтрак, ленч по возможности в половине первого и никак не позже часа и, наконец, вожделенный обед — только так!

Именно в эти часы и минуты Эркюль Пуаро жил полнокровной жизнью. К своему желудку он всегда относился серьезно, а теперь в солидном возрасте самое время пожинать плоды праведных трудов. Еда стала для него не только физическим удовольствием, она давала работу и интеллекту. Ибо между приемами пищи он рыскал в поисках источников новых и вкусных яств. Поиски эти, в частности, и привели его в «Старую бабушку», и кулинарная деятельность рестораника только что была одобрена Эркюлем Пуаро, этим великим гурманом.

Но теперь, к сожалению, что-то предстояло делать с остатком вечера.

Эркюль Пуаро вздохнул: «Будь здесь сейчас дорогой Гастингс...»

Он с удовольствием предался воспоминаниям о старом друге.

«Да, друг, самый первый в этой стране — и самый дорогой! Правду сказать, он частенько доводил меня до белого каления. Что было, то было. Но разве теперь я вспоминаю это? Нет. Я вспоминаю лишь, как он с озадаченным восхищением

следил за мной, как, разинув рот, дивился моим талантам — я вводил его в заблуждение с необыкновенной легкостью, не произнося ни слова лжи, и как же он бывал ошарашен, как невысказанно потрясен, когда наконец доходил до истины, ясной мне с самого начала. Милый, дорогой друг! Мне всегда хотелось блеснуть, сразить наповал, водиться за мной такая слабость. Гастингс никогда не мог этого понять. Между тем человеку моих способностей помнить свою истинную цену просто необходимо — а для этого нужны стимулы извне. Не могу же я в самом деле сидеть целый день в кресле и размышлять о том, до чего я талантлив. Медоточивые речи я должен слышать из чьих-то уст. Впору заводить — как это называется в театре? — наемных обожателей».

Эркюль Пуаро вздохнул. Он повернул на Шафтсбери-авеню.

Перейти улицу, добраться до Лестер-сквер и провести вечер в кино? Чуть нахмурившись, он покачал головой. Кино все чаще вызывало у него глухое раздражение. Сюжет почти всегда сметан на живую нитку, логикой развития и не пахнет, даже съемки, от которых кое-кто приходит в умиление, Эркюлю Пуаро обычно казались надуманными — операторы будто специально выбирают такой ракурс, чтобы виды, пейзажи и отдельные предметы выглядели решительно не так, как в действительности. Вообще вся нынешняя жизнь — это сплошной театр, богема. Куда девались любовь к порядку, торжество разума, ценимые им столь высоко? А уж чтобы кто-то восхищался изысканностью,

тонкостью — куда там! Нынче в моде насилие, первобытная жестокость. Впрочем, этого и раньше хватало — Пуаро, как бывший офицер полиции, был сыт жестокостью по горло. В свое время он этой первобытной жестокости наглядился... Она была скорее правилом, чем исключением. И просто утомляла его своей убогостью, бессмысленностью.

В конце концов Пуаро направился в сторону дома. Надо посмотреть правде в глаза — в современную жизнь он просто не вписывается. С другой стороны, он такой же раб, как все, на более высоком уровне, но все равно раб. Его, как и всех остальных, закабалила работа. И когда настает час досуга, люди просто не знают, как им распорядиться. Отставной финансист берет в руки клюшку для гольфа, бывший лавочник сажает в огороде лук, Пуаро находит удовольствие в еде. Вот и пришла к тому, от чего ушли. Человек ест только три раза в день. А чем заполнить промежутки?

Проходя мимо продавца газет, он обратил внимание на заголовок:

«СУД ВЫНОСИТ ПРИГОВОР УБИЙЦЕ МИС-СИС МАКГИНТИ».

Статья его не заинтересовала. Он смутно припомнил, что читал заметочку об этом убийстве. Убийство, каким несть числа. Какую-то бедную старушку шмякнули по голове и украли несколько фунтов. Бессмысленная первобытная жестокость — что и требовалось доказать.

Пуаро свернул во двор своего дома. Как всегда, сердце его одобрительно затукало. Своим домом он гордился. Замечательное симметричное здание.

На лифте он поднялся на третий этаж и оказался перед своей просторной роскошной квартирой: выключатели, абажуры, торшеры отделаны металлом, квадратные кресла, строгие прямоугольные шкафчики и тумбочки. Линии сплошь прямые и четкие, порядок воистину образцовый.

Открыв ключом дверь, он вошел в квадратную белую прихожую; тотчас бесшумно возник слуга Джордж.

— Добрый вечер, сэ. Вас ожидает... джентльмен. — Он ловко снял пальто с плеч Пуаро.

— В самом деле? — Легкая пауза перед словом «джентльмен» не прошла для Пуаро незамеченной. По части снобизма с Джорджем мало кто мог сравниться. — Как его зовут?

— Некий мистер Спенс, сэ.

— Спенс. — В первую минуту это имя ничего не сказало Пуаро. Но он знал — должно было сказать.

Задержавшись на миг перед зеркалом — поправить усы, довести их до полного совершенства, — Пуаро открыл дверь и вошел в гостиную. Мужчина, сидевший в одном из больших квадратных кресел, поднялся ему навстречу.

— Здравствуйте, месье Пуаро, надеюсь, вы меня помните. Давненько дело было... Старший полицейский инспектор Спенс.

— Ну, разумеется. — Пуаро сердечно пожал гостю руку.

Старший инспектор Спенс из полиции Килчестера. Им тогда здорово пришлось поломать голову... Когда же это было? Давненько, как сказал Спенс...

Пуаро радушно предложил гостю выпить:
— Гренадин? Ментоловый ликер? Бенедиктин?
Ликер-какао?..

В эту минуту вошел Джордж, он принес на подносе бутылку виски и сифон.

— Может быть, сэ, вы предпочитаете пиво? — пробурчал он, обращаясь к гостю.

Старший инспектор Спенс, человек с крупным красноватым лицом, заметно оживился.

— От пива не откажусь, — сказал он.

Пуаро в очередной раз мысленно снял шляпу перед Джорджем. Сам он понятия не имел, что в доме есть пиво, и вообще в его сознании плохо укладывалось, как можно предпочесть этот напиток сладкому ликеру.

Когда Джордж поставил перед Спенсом высокую кружку с шапкой пены, Пуаро налил себе крошечную порцию изумрудного ментолового ликера.

— Очень мило, что надумали выбраться ко мне, — начал он разговор. — Очень мило. Вы сейчас из?..

— Килчестера. Через полгода ухожу на пенсию. Вообще-то я мог уйти еще полтора года назад. Но меня упросили остаться.

— Вы мудро сделали, что согласились, — с чувством произнес Пуаро. — Очень мудро...

— Правда? Не знаю, не знаю. Не уверен.

— Да, да, очень мудро, — подтвердил Пуаро. — Вы не представляете, что такое *ennui*¹ — долгие, томительные часы скуки и бездействия.

— О-о, на пенсии у меня будет полно работы.

¹ Скука (*фр.*).

В прошлом году мы в новый дом перебрались. Садовый участок ничего себе, но такой запущенный! Все нет времени заняться им вплотную.

— Ну, раз вы в душе садовод, дело другое. Я тоже как-то решил поселиться в пригороде, думал, буду выращивать кабачки. Ничего из этой затеи не вышло. Не по нраву мне это.

— Вы бы видели, какой кабачок я вырастил в прошлом году! — с энтузиазмом воскликнул Спенс. — Настоящий гигант! А розы! Розы — это моя страсть. Я собираюсь...

Он прервал себя на полуслове:

— Я приехал не для того, чтобы хвастаться своим огородом.

— Конечно, нет, вы приехали повидать старого знакомого, это очень любезно. Я вам весьма признателен.

— Боюсь, месье Пуаро, есть и другая причина. Буду с вами откровенен. Я хочу просить вас об одолжении.

Пуаро осторожно проурчал:

— Ваш дом заложен, и вам нужна ссуда, чтобы...

Спенс, ужаснувшись, перебил его:

— Боже правый, деньги тут ни при чем! У меня и в мыслях такого не было!

Пуаро взмахнул руками, грациозно извиняясь:

— Простите великодушно.

— Скажу вам напрямую: сам не знаю, как у меня хватило нахальства приехать к вам с такой просьбой. Если вы возьмете меня за шиворот и выставите за дверь, я не удивлюсь.

— Никакого шиворота не будет, — отмахнулся Пуаро. — Продолжайте.

— Речь идет о деле миссис Макгинти. Вы, наверное, о нем читали.

Пуаро покачал головой:

— Мимоходом. Миссис Макгинти, пожилая женщина, то ли продавщица, то ли домработница. Рассталась с жизнью, да? А как?

Спенс уставился на него.

— Господи! — воскликнул он. — Надо же, что припомнилось... Поразительно... Как это мне сразу в голову не пришло...

— Простите?

— Нет, ничего. Была такая игра. Детская. Мы играли в нее детишками. Соберемся, сядем в рядок — и поехали; кто водит, к каждому по очереди с одной считалочкой: «Миссис Макгинти с жизнью рассталась, на небо улетела, на небе осталась, с жизнью рассталась, рассталась. А как?» — «Стоя на колене, как я, вот так!» Дальше — вопрос следующему: «Миссис Макгинти с жизнью рассталась, на небо улетела, на небе осталась, с жизнью рассталась, рассталась. А как?» — «Вытянув руку, как я, вот так!» И вот уже каждый, замерев, стоит на колене и тянет вперед правую руку. И наконец — развязка! «Миссис Макгинти с жизнью рассталась, на небо улетела, на небе осталась, с жизнью рассталась, рассталась. А как?» — «Вот так!» Водящий валится на землю, а за ним — все остальные, будто кегли! — И Спенс разразился громким хохотом. — Надо же, что припомнилось!

Пуаро вежливо ждал, что последует дальше. Это

был один из тех случаев, когда, прожив в Англии полжизни, он находил английский недоступным для понимания. Он и сам играл в детстве в прятки и в пекаря, но у него вовсе не возникало желания рассказывать об этих играх, даже думать о них.

Когда Спенс наконец отсмеялся, Пуаро повторил чуть утомленно:

— Так как же она рассталась с жизнью?

Улыбка сбежала с лица Спенса. Он снова по-серьезнел.

— Ее ударили по затылку чем-то острым и тяжелым. Убийца обшарил комнату и похитил ее сбережения, около тридцати фунтов наличными. Она жила в небольшом коттедже, но держала постояльца. Некого Бентли. Джеймса Бентли.

— Ах да, Бентли.

— Следов взлома обнаружено не было. Замки, окна — все в полном порядке. Бентли был стеснен в деньгах, сидел без работы, два месяца не платил за жилье. Деньги нашли под камнем позади коттеджа. На рукаве пиджака Бентли оказались следы крови и волосы — кровь той самой группы, что у покойницы, те же волосы. На первом допросе он заявил, что рядом с телом убитой не находился — выходит, кровь и волосы не могли попасть на его одежду случайно.

— Кто ее нашел?

— Булочник принес хлеб. В тот день хозяйка обещала с ним расплатиться. Дверь открыл Джеймс Бентли и сказал, что уже стучался к миссис Макгинти, но не достучался. Тогда булочник засомневался — не случилось ли чего? Они позвали сосед-

ку и вместе пошли наверх. В спальне миссис Макгинти не оказалось, постель осталась застеленной с вечера, но вся комната была перерыта, а половицы приподняты. Тогда они решили заглянуть в гостиную. Там она и лежала на полу, соседка как увидела, давай голосить на всю округу. Потом, конечно, вызвали полицию.

— И Бентли в итоге арестовали и судили?

— Да. Было судебное разбирательство. Вчера. Дело оказалось яснее ясного. Сегодня утром присяжные вынесли приговор, им понадобилось всего двенадцать минут. Суд постановил: виновен, приговорить к смертной казни.

Пуаро кивнул.

— А потом, после приговора, вы сели в поезд и приехали в Лондон, чтобы повидаться со мной. Почему?

Старший инспектор Спенс опустил взор в свою пивную кружку. Несколько раз провел пальцами по ободку.

— Потому что, — выговорил он, — боюсь, он ее не убивал...

ГЛАВА 2

На минуту-другую воцарилась тишина.

— И вы приехали ко мне, чтобы... — Пуаро не закончил предложения.

Старший инспектор Спенс поднял голову. Кровь еще сильнее прилила к его лицу. Это было лицо типичного провинциала, маловыразительное, замкнутое, с проницательными, но честными

глазами. Лицо человека с незыблемыми нравственными устоями, который всегда точно знает, как именно ему поступить, никогда не спутает добро со злом.

— Я в полиции давно, — сказал он. — Навидался того, и другого, и третьего. В людях худо-бедно разбираюсь. Приходилось вести дела и об убийстве — одни простые, как дважды два, другие сложнее. Одно известно и вам, месье Пуаро...

Пуаро кивнул.

— Крепкий был орешек. Пожалуй, без вас мы бы его нипочем не разгрызли. Но докопались-таки до правды, да так, что и тени сомнений не осталось. И в других случаях, про какие вы не знаете, ясность была полная. Взять Уистлера, он получил свое — и вполне по заслугам. Равно как и бандюги, что застрелили старого Гатермана. Как Верол со своим мышьяком. Трантер, тот выкрутился — но убить-то он убил, точно знаю. Повезло и миссис Кортленд — муж ее был извращенцем, каких поискать, и присяжные ее оправдали. Руководствовались не справедливостью, а чувствами. Такое бывает, никуда не денешься, сердце ведь не камень. А иногда улик не хватает... Случается, убийце удастся разжалобить присяжных, а то и просто провести за нос — редко, конечно, но не без этого. Иногда адвокат ловко защиту построит либо обвинитель переборщит. В общем, всего этого я наглядился вдоволь. Но чтобы... — Спенс помахал увесистым пальцем, — чтобы невинного человека повесили за то, чего он не совершал, — на моей памяти такого не было. И не хочу я, месье Пуаро, ви-